

ПРОЛОГ

КОПЬЕ АЛЬБИОН. ХАББЛ УТРО. РЕЗИДЕНЦИЯ ДОМА ЛАНКАСТЕР

— Гвендолин Маргарет Элизабет Ланкастер! — резко и твердо возгласила мать. — Ты немедленно прекратишь эти нелепые игры.

— Полноте, мама, — рассеянно обронила Гвендолин, — мы с вами все уже обсуждали. Подолгу, и не раз...

Хмуря брови, она слегка покрутила запястьем левой руки, затынутым в боевую перчатку.

— Третий ремешок чуть туговат, Сара. Кристалл давит на ладонь.

— Сию секунду, мисс... — Сара склонилась над креплениями перчатки, всматриваясь в них поверх линз пенсне. Быстро и ловко исправила натяжение ремней. — Так лучше?

Повторив попытку, Гвендолин улыбнулась:

— Просто замечательно. Спасибо, Сара.

— Конечно, мисс, — кивнула та. Рискнула было улыбнуться в ответ, но бросила опасливый взгляд в сторону и придала лицу подходящее к случаю безучастное выражение.

— Ничего мы не обсуждали, — повысила голос мать, складывая на груди руки. — «Обсуждение» подразумевает обмен мнениями. Ты же усердно делала вид, что меня нет рядом, стоило мне только начать разговор.

Гвендолин обратила к ней милую улыбку:

— Мама, если вам угодно, можем опять повторить весь этот спектакль, но мои намерения ничуть не изменились. *Я не буду* посещать Высшую академию леди Хадшоу.

— Я была бы счастлива увидеть, как ты поступишь в Академию эфирных устройств вместе с...

— Ну нет! — воздела очи Гвендолин. — Я разбирала эти приборы в испытательной мастерской еще прежде, чем научилась ходить, и совершенно точно лишусь рассудка, если меня заставят вытерпеть целых два года вводного курса.

Мать недовольно покачала головой.

— Гвендолин, ты ведь не настолько наивна, чтобы...

— Довольно! — отрезала девушка. — Говорить не о чем. *Я вступлю* в Гвардию копьеарха. Принесу клятву и *проведу* год в страже.

Она повернулась оглядеть свое отражение в высоком зеркале; чуть выровняла юбки и поправила отвороты короткого жилета.

— В конце концов, дочерям и другим Высоких Домов доводилось приносить клятвы. Не возьму в толк, зачем устраивать суету по столь ничтожному поводу.

— Другие Дома *не ровня* Ланкастерам, — неожиданно холодно возразила мать. — Не они управляют жизнью высочайшего хаббла в Совете. Ни на один из других Домов во всем Копье Альбион не возложены столь существенные обязанности.

— Мама... — выдохнула Гвендолин. — Можно подумать, жители нижних уровней Копья чем-то провинились и от этого менее достойны. И потом, честно говоря, все эти огромные чаны и кристаллы едва ли не сами о себе заботятся!

— Ты еще совсем юна, — возразила мать. — Ты не задумывалась о том, насколько ценны эти кристаллы, и не только для хаббла Утро или нашего флота. О том, как самые разные люди жаждут их заполучить, и о том,

сколько усилий нужно приложить и как тщательно все продумать ради производства единственного кристалла. Ведь это требует неусыпного внимания целых...

— Целых поколений мастеров, — перебила ее Гвендолин. — Нет, очевидно, мои мыслительные способности не отвечают вашим высоким стандартам... Тем не менее я позволю себе заметить, что очередное повторение прописных истин едва ли способно исправить ситуацию, а по-сему наименее мучительным выходом для обеих сторон будет вовсе опустить этот этап беседы.

— Гвендолин! — сузила глаза мать. — Даю десять секунд. Ты сейчас же отправишься в свои покои — или, клянусь Всевышним, я тебя отшлепаю.

Дожили. Вот до чего дошло. Гвендолин подавила в себе сперва приступ чисто детского страха, а затем и более обоснованной злости, чтобы спокойно и рассудительно взвесить ситуацию и окружение.

Сара стояла рядом, оцепенев. Выходка матери явилась для нее неприятным шоком, ведь служанка ясно понимала, что подобная сцена в одном из сильнейших Домов хаббла никак не предназначалась для ее глаз. Гнев вывел мать из себя, заставив совершить эту ошибку, и теперь Сара растерялась, не решаясь просто выйти из комнаты. Что было делать бедняжке?

— Сара, — окликнула ее Гвендолин. — Кажется, я слыхала, что кухарка по-прежнему жалуется на боли в спине. Буду очень благодарна, если ты сможешь уделить время и поможешь ей сегодня. Тебе не очень сложно будет отнести отцу завтрак и избавить кухарку от подъема по ступеням?

— Всего не сложно, леди Гвендолин, — сказала Сара, приседая в быстром реверансе. Перед тем, как подчеркнуть чинно выйти, она послала хозяйке легкую улыбку, исполненную благодарности.

Гвендолин продолжала улыбаться, пока за служанкой не закрылась дверь. Лишь тогда она обернулась, чтобы с поднятой бровью взглянуть в лицо матери:

— Не особенно хорошо обдуманные слова, мама.

— Даже не *пытайся* менять тему, — отрезала мать. — Сейчас женими с руки эту смехотворную перчатку, или столкнешься с неприятными последствиями.

Бровь Гвендолин взлетела выше прежнего.

— Вы ведь понимаете, что я вооружена?

Темные глаза матери угрожающе сверкнули.

— Ты не *посмеешь*.

— Думаю, применять оружие не потребуется, — вздохнула Гвендолин. — Впрочем, возможность быть отшлепанной привлекает меня даже меньше, чем перспектива провести остаток своих дней в этом скучном мавзолее или в другом, точь-в-точь как этот. Рискну предположить, что, состоя в рядах Гвардии, сумею наткнуться хоть на *что-нибудь* интересное.

Она вздернула подбородок, прищурила глаза и тихо предостерегла:

— Не испытывайте меня, мама.

— Невозможный ребенок, — уронила взгляд мать. — Схватить ее.

В этот миг Гвендолин сообразила, что материнские угрозы и гнев притворны; они — лишь отвлекающий маневр, который заставит Гвендолин вести себя смирно, пока сзади к ней подкрадываются двое вооруженных охранников Дома. Она быстро шагнула в сторону и тут же почувствовала, как на ее левом локте смыкаются чьи-то крепкие ладони. Останься Гвендолин стоять, второй охранник схватил бы ее и справа, полностью лишив свободы.

Вместо этого она поймала обидчика за запястье, толкнула его, заставив потерять равновесие, и одновременно вырвалась из захвата, чтобы единым плавным движением превратить

разворот в бросок через бедро; первый охранник отлетел в сторону, под ноги второму. Подкошенный, тот тоже оказался на полу и заворочался в попытке подняться. Тогда, чуть приподняв юбки, Гвендолин метким пинком выбила из-под него опорную руку. Крякнув, второй охранник повалился на первого и с изумлением воззрился вверх на девушку.

— Мне ужасно жаль, — сказала ему Гвендолин. — Ничего личного.

И нанесла выверенно-сильный, точный удар носком туфли ему в висок. Оглушенный, мужчина издал слабый стон и обмяк.

— Эстербрук! — вскрикнула мать.

Отвернувшись от двух поверженных противников, Гвендолин увидела, как в комнату входит Эстербрук — капитан охраны Дома Ланкастер. Поджарый, грозный с виду человек с кожей, выдубленной годами, проведенными под беспощадным солнцем: того темного оттенка, что так к лицу аэронавтам. На Эстербруке были черный костюм и куртка, скроенные на манер привычного ему военного мундира. У бедра подвешен короткий и тяжелый флотский клинок в блестящих ножнах. Боевая перчатка на левой руке из портвейна мягкой кожи, но начищенная медь ее каркаса на запястье сверкает как новенькая — ничуть не хуже свежей модели на руке у самой Гвендолин.

Девушка мгновенно переключила внимание на вошедшего, отступила на шаг от распростертых на полу охранников и вытянула вперед левую руку, показывая Эстербруку вжатый в ладонь кристалл. Свою цель — седую голову капитана — она заключила точно в развилку указательного и среднего пальцев. К этому моменту кристалл боевой перчатки успел пробудиться, оживленный мысленным приказом Гвендолин. Излучаемый им холодный белый свет поменял рисунок теней в комнате и заставил мать девушки прикрыть глаза от внезапной вспышки.

— Доброе утро, капитан Эстербрук, — спокойно и ровно поздоровалась Гвендолин. — Мне доподлинно известно, ваш костюм подбит шелком. Обязана предупредить: мой кристалл нацелен точно вам в голову. Прошу, не совершайте ничего, что вынудит меня воспользоваться боевой подготовкой в столь трагичной и никому не желательной манере.

Эстербрук смерил ее взглядом, скрытым за темными стеклами очков. Затем очень медленно поднял правую руку, снял очки и несколько раз моргнул против эфирного свечения от наставленного на него Гвендолин кристалла. Глаза у капитана охраны были причудливого золотисто-зеленого оттенка; яркий свет сузил его кошачьи зрачки до узких вертикальных щелей.

— А ведь ловко, — отметил он.

Гвендолин ощутила, как ее губы растягиваются в тонкой улыбке.

— У меня был прекрасный наставник, сэр.

Иронично усмехнувшись уголком рта, Эстербрук встретил это признание вежливым наклоном головы:

— И в каком же закоулке Копья удалось отыскать учителя, преподавшего вам Путь?

— Кузен Бенедикт, разумеется, — просто ответила она.

— Ха! — сказал Эстербрук. — Не зря его уже давно окружает запах чьих-то духов. Я уж решил, что он влюбился.

Мать издала короткий, исполненный отвращения звук, едва различимый за плотно стиснутыми губами.

— Помнится, я недвусмысленно запретила тебе поддерживать с ним отношения, Гвендолин?

— Так и было, мама, — согласно кивнула девушка. — Будьте так добры, разоружитесь, капитан.

Эстербрук еще какое-то время разглядывал ее; морщинки в уголках его глаз делались все заметнее. Наконец он еще раз

отвесил Гвендолин короткий поклон и, действуя правой рукой, расстегнул пряжку на поясе с клинком. Тот брякнул об пол.

— Что вы делаете? — сердито окрикнула его мать.

— Миледи, — вежливо ответил ей Эстербрук, — мисс Гвен угрожает мне смертельно опасным оружием, которое она вполне способна пустить в ход.

— Она этого не сделает, — отрезала мать. — Только не против вас. Или членов своей семьи.

Гвендолин охватило чувство бессильной досады; конечно, мать была права. Совершить подобное невысказано, — но она не намеревалась и дальше влачить жизнь в тесных стенах особняка Ланкастеров, выбираясь наружу лишь ради бессмысленной, бесконечной, невыносимо *скудной* череды балов, обедов, концертов и школьных занятий. Дать матери разоблачить свой блеф она никак не могла.

Поэтому, немного сместив прицел, Гвендолин позволила вжатому в ладонь кристаллу выпустить вперед блистающий залп эфирной энергии.

Последовали жуткий свист внезапно рассеянного воздуха и ослепительная вспышка. За ними оглушительный грохот, вроде грозового раската, и мраморная статуэтка, стоявшая на пристенном столике за спиной у Эстербрука, взорвалась, взметнувшись облаком пыли и мелких осколков. В наступившей за взрывом тишине камешки застучали, запрыгали по полу и успокоились лишь через несколько секунд.

Мать стояла не сводя с дочери широко раскрытых глаз: рот приоткрыт, одна сторона лица покрыта тонкой мраморной крошкой. Куртка Эстербрука тоже заметно пострадала от пыли, но он даже бровью не повел.

— Капитан, — обратилась к нему Гвендолин, — прошу, продолжайте.

— Мисс, — вновь склонил голову тот. Стараясь не шевелить опущенной левой рукой, он очень медленно высвободил пряжку боевой перчатки и позволил ей упасть на пол.

— Благодарю вас, капитан, — сказала Гвендолин. — Два шага в сторону, пожалуйста.

Эстербрук повернулся к матери, развел руки в безмолвном жесте бессилия и сделал несколько шагов назад и в сторону от своего оружия.

— Нет! — фыркнула мать. — Нет...

Тремя стремительными, широкими шагами она отошла к дверям покоев; их обитую медью древесину доставили сюда из смертельно опасных лесов затянутой туманом Поверхности. Несколько поворотов ключа — и дверь оказалась заперта. Мать вернулась на прежнее место с ключом в руке и с гневно вздернутым подбородком:

— Ты покоришься моей воле, дитя!

— Должна заметить, мама, — вздохнула Гвендолин, — если продолжать беседу в прежнем ключе, мы разоримся на ремонте.

Перчатка Гвендолин снова взвизгнула, и одна из двух невероятно дорогих дверных створок перестала существовать, обратившись в щепы и искореженные куски металла. Вторая створка была сорвана с петель и улетела в глубину коридора, совершив полный кувырок, прежде чем рухнуть на плиты пола.

Гвендолин подняла руку, пока кристалл на ладони не выровнялся с ее лицом, вслед за чем спокойно направилась на выход — к уничтоженным дверям. Охранники за ее спиной начинали приходить в себя, застонали и заворочались. Гвендолин сразу почувствовала облегчение, ведь она вовсе не хотела нанести этим двоим серьезные травмы. В свое время Бенедикт объяснил ей, что с ударами в область головы ни в чем нельзя быть уверенной.

— Нет... — выдохнула мать, стоило девушке с нею поравняться. — Гвендолин, не нужно. Не стоит. Ты даже не понимаешь, с каким кошмаром можешь столкнуться...

Мать как-то необычно дышала — очень часто и неглубоко. Она...

Милостивые Строители! Мать плакала.

Заколебавшись, Гвендолин встала рядом.

— Гвендолин, — прошептала ее мать. — Прошу тебя! Мое единственное дитя...

— И кто тогда, если не я, сможет отстоять честь Ланкастеров в рядах Гвардии?

Гвендолин взгляделась в лицо матери. По тонкому слою пыли тянулись чистые дорожки, оставленные слезами.

— Пожалуйста, не уходи, — шепнула та.

Гвендолин колебалась. Честолюбия ей было не занимать, разумеется, — как и должной, присущей Ланкастерам выдержки, и все же... Сердце у нее тоже имелось, как и у матери. Слезы... совсем на нее не похоже. Гвендолин еще никогда не видела, как мать плачет, — разве что однажды от смеха.

Возможно, ей следовало бы... чуть лучше подумать о том, как подать свое решение вступить в Гвардию. Но для разговоров уже не оставалось времени. Запись назначена на это утро.

Она встретила с матерью глазами и заговорила как можно мягче. Дав себе обещание не плакать. Просто сдержаться, даже если очень хочется.

— Я очень тебя люблю, — тихонько призналась она.

А после Гвендолин Маргарет Элизабет Ланкастер перешагнула через обломки дверной створки и покинула родные стены.

Леди Ланкастер смотрела вслед дочери сквозь застлавшие глаза слезы. Лишь дождавшись глухого хлопка парадных дверей особняка, она повернулась к Эстербуруку.

— Вы в порядке, капитан?

— Слегка озадачен, возможно, но в целом здоров, — ответил тот. — А как вы, ребята?

— Леди Гвен... — выдохнул один из охранников, с гримасой боли оглаживая скулу, — страшна в гневе.

— Стоило бы выказать оппоненту чуть больше уважения, — хмыкнул Эстербрук. — Отправляйтесь завтракать. После отработаем захваты и броски.

Смущенные охранники неуклюже поспешили на выход, и Эстербрук с явным удовольствием проводил их насмешливым взглядом. Постоял немного, повернулся к леди Ланкастер и недоуменно моргнул:

— Миледи... вы плачете?

— Конечно, — с крепнущей гордостью ответила та. — Вы это *видели*? Она совладала с тремя противниками!

— Нас было четверо, — мягко поправил ее Эстербрук.

— Гвендолин и прежде не сдерживалась, выступая против *меня*, — сухо парировала леди Ланкастер.

Хмыкнув, Эстербрук повел плечом:

— Все равно не понимаю. К чему было разводить подобную драму?

— Я хорошо знаю свою дочь, — ответила леди Ланкастер. — Есть только один способ увериться, что Гвен поступит как должно: это решительный запрет поступать именно так, звучащий из моих уст.

— Помнится, в свое время кто-то тоже настоял на вступлении в ряды Гвардии, моя госпожа, — задумчиво произнес Эстербрук. — Так, когда же это...

— В те времена я была совсем молода и донельзя своейвольна, как вам хорошо известно. И все же, уходя, я вела себя совсем иначе.

— Разумеется, — кивнул Эстербрук. — Если мне не изменяет память, миледи, на своем пути вы разнесли в щепки не одну дверь, а целых *три*.

Леди Ланкастер впилась в его лицо твердым взглядом.

— Разве, Эстербрук? Я почти уверена, что вы преувеличиваете.

— А также с полдесятка статуй.

— Безвкусовые поделки, не более.

— И та огромная дыра в каменной стене...

— Мать стояла прямо на пороге. Как еще я могла выйти?

— Так все и было, миледи, — рассудительно заметил Эстербрук. — Благодарю за уточнение. Теперь мне ясно, что подобные сравнения не уместны.

— Так и знала, что вы со мною согласитесь, — усмехнулась леди Ланкастер. — Благоразумия вам не занимать.

— Да, миледи. Вот только... — нахмурился Эстербрук. — Я уже сообразил, что вы хотели подтолкнуть дочь к службе в рядах Гвардии. Но, кажется, еще не совсем понимаю зачем.

Какое-то время леди Ланкастер задумчиво разглядывала его. Эстербрук был умелым воином, верным союзником и старинным другом, — но кошачьи глаза боежденного лучше всего фокусировались на непосредственном окружении. Она даже не сомневалась, что Эстербрук, если попросить, способен закрыть глаза и подробно описать точное положение любого названного предмета в комнате. Но он едва ли представляет, где все эти вещи хранились до недавних отделочных работ и куда отправятся теперь, раз уж центральный элемент декора оказался расколот. Боежденный привык иметь дело с настоящим, тогда как ей самой, как и всем Ланкастерам прежде нее, куда чаще приходилось задумываться о событиях далекого прошлого — или скорого будущего.

— В Копьях что-то назревает, — тихо произнесла она. — Люди видят чудеса и знамения. Четверо аэронавтов нашего флота докладывали о появлении

архангела, — и каждый клялся, будто видел его своими глазами, не во сне или в пьяном угаре. Копье Аврора отозвало своих послов из Копья Альбион, и наши корабли уже начали вступать в стычки. В нижних хабблах давно назревают беспорядки, и...

Эстербрук склонил голову:

— Миледи?

— Кристаллы, они тоже... странно себя ведут.

Бровь Эстербрука поползла вверх, выражая недоверие.

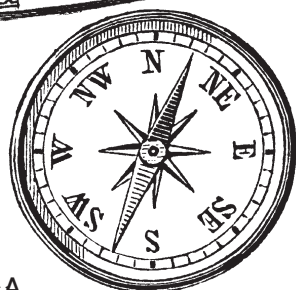
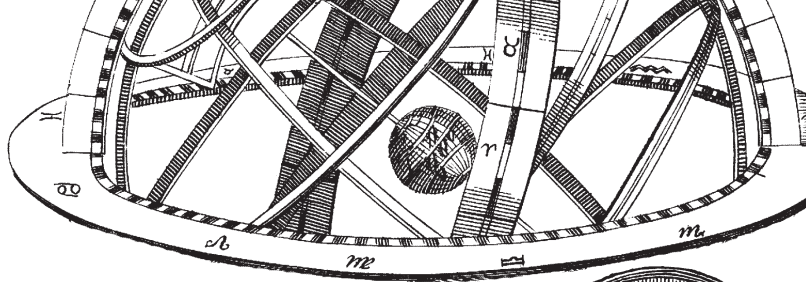
Леди Ланкастер покачала головой:

— Не знаю, как еще это объяснить. Но я имею с ними дело всю свою жизнь, и теперь... с ними что-то не так. — Вздохнув, она отвернулась к обломкам дверной створки. — Впереди у нас темные времена, дружище. Конфликты, каких еще не видали с момента крушения мира. Моей дочери предстоит самой с ними столкнуться... Найти тех, кто будет противостоять этой буре, и осознать, что на кону. На службе Гвен справится с этим лучше, чем где-либо еще.

— Конфликты? — повторил Эстербрук. — Они с леди Гвен, похоже, и без того неразлучны.

Леди Ланкастер смотрела на разломанную дверь и завесу пыли, все еще клубящейся вослед ее дочери.

— Да, — еле слышно согласилась она. — Всевышний боже, архангелы, милостивые Строители, заклинаю вас! Берегите мое дитя...

ГЛАВА 1

«ХИЩНИЦА». ТОРГОВОЕ СУДНО АЛЬБИОНА

Капитан Гримм щелчком откинул в сторону правую линзу своих тяжелых гогглов. Воздушное судно Авроры казалось отсюда бледным сгустком в толще скопившихся ниже облаков, тогда как «Хищница» притаилась высоко над ним в аэросфере, скрытая слепящим солнцем. В лежащем еще ниже слое плотных туч и тумана всюду бушевала гроза, но времени добраться до вражеского судна было еще достаточно. Нужно только постараться успеть сделать это прежде, чем молнии вмешаются в работу корабельных систем.

Приняв решение, Гримм потрянул головой:

— Опускаемся на воздушных потоках. Боевая готовность. Выкатить орудия, развернуть сети: верхнюю, нижнюю и по обоим бортам. Полная нагрузка на покров. Курс на аврорианцев.

— Играть боевую тревогу! — проревел командер Криди, и корабельный колокол трижды прозвенел, чтобы отозваться нестройным хором ответных выкриков. — Орудия к бою!

Крик эхом прокатился вдоль палубы «Хищницы»; канониры уже спешили к своим турелям.

— Развернуть сети по периметру!

Затянутые в кожу матросы в защитных очках и широких флотских крагах вспорхнули на мачты и снасти воздушного